

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.47; 16.21.39

Kod BAK 10.02.01

О. О. Борискина
Воронеж, Россия

O. O. Boriskina
Voronezh, Russia

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

POLITICAL METAPHOROLOGY: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Аннотация. Рассматриваются теоретический и практический аспекты нового научного направления — политической метафорологии — на примере монографии, выполненной в рамках данного подхода к исследованию метафоры политического дискурса.

Abstract. The paper aims at providing the reader with an overview of the theoretical and practical aspects of a new field of linguistics called political metaphorology on the example of a book written within the framework of the study of metaphor in the political discourse.

Ключевые слова: политическая метафорология; методология; теория; практика; дискурс.

Key words: political metaphorology; methodology; theory; practice; discourse.

Сведения об авторе: Борискина Ольга Олеговна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Boriskina Olga Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Place of employment: Voronezh State University.

Контактная информация: 394006, г. Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: olboriskina66@mail.ru.

Рождение нового научного направления — политической метафорологии (ПМ) — произошло естественным образом. Глубокое проникновение метафорологического инструментария в политический дискурс, по мнению основателей ПМ, «привело к возникновению новой области исследований: политической метафорологии» [Будаев, Чуудинов 2008а, 2008б].

Соответственно, и место политической метафорологии в системе научного знания логично рассматривать с опорой на предтеч, которые задали вектор и наметили перспективы данного направления. Актуальность научной инициативы этого пилотного проекта (проект поддержан грантом РГНФ № 07-04-02-002А — «Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе») связана с осознанием потенциала политической метафоры для манипуляции общественным сознанием, что, гарантирует востребованность и жизнеспособность ПМ. Современная политическая метафорология привлекательна уже тем, что позволяет увидеть новые, неожиданные грани в казалось бы хорошо известном явлении, подтверждением чему служит монография Э. В. Будаева «Метафорический образ России в современном мире» [Будаев 2009], представляющая собой синтез теории и практики политической метафорологии.

Данное исследование продолжает традиции известной отечественной школы политической лингвистики и заслуживает самого пристального внимания. Работы подобного плана преследуют цель ввести в научный обиход и обосновать ключевые положения нового направления, а также «запустить» практическое применение. В книге последовательно решаются три задачи.

Во-первых, предлагается панорамное обозрение основных течений и подходов к исследованию метафоры. Безусловно, ретроспективный взгляд присутствует едва ли не в любой монографии, посвященной теории и практике исследования метафоры дискурса, но в данном случае классификация современных исследований в области политической метафоры подается в системе координат и лингвистического, и политологического знания. Другими словами, автор создает лингвистикоцентричную уровневую модель методов изучения политической метафоры [Будаев 2009: 61]. При этом авторское отношение к истории формирования теории политической метафоры можно назвать предельно объективным и беспристрастным. «Фамильное теоретическое сходство» [Будаев 2009: 28] современных концепций получения научного знания идеально подходит для ознакомительных целей начинающим метафорологам.

Вторая глава будет интересна не только ученым, но и практикам (пиарщикам, имеджмейкерам и просто специалистам в области связей с общественностью). В ней обсуждаются критерии определения границ именно политического дискурса, а также рассматривается специфика использования политической метафоры в разных видах политического дискурса (национальном, институциональном, массмедийном, идиолектном) через призму двух взаимодополняющих свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности.

Вытекающая из первой, *вторая задача* анализируемой работы состоит в формулировании принципов и закономерностей современной политической метафорологии. Постулируется междисциплинарность ПМ и обосновывается целесообразность привлечения методов поли-

тологического, культурологического и социологического толка. На фоне обсуждения методов исследования метафорики поднимается вопрос об использовании корпусной методики и контент-анализа как способствующих точной количественной характеристике источниковой базы. Поскольку корпусных исследований метафоры в рамках этой теории пока не проводилось [Будаев 2009: 53], отмечается перспективность корпусного подхода именно на этапе углубления и детализации теории в силу того, что «после выявления наиболее общих закономерностей и перспектив исследования актуальным становится скрупулезное описание конкретных метафорических моделей с точным определением их количественных параметров» [Будаев 2009: 67]. При таком подходе к изучению метафоры можно получить наиболее полные и точные данные и об устойчивости, востребованности, и о соотношении разных видов политических метафор.

Третья глава книги заканчивается своего рода манифестом теоретических основ современной политической метафорологии.

К значимым теоретическим обобщениям следует отнести (помимо рассмотренных выше) тезис о глобальном интердискурсе, в рамках которого «политическую коммуникацию самых различных государств объединяет значительное число однотипных метафорических моделей, способствующих сближению национальных картин мира, форм категоризации и концептуализации политической реальности» [Будаев 2009: 132]. Важным для теоретического осмысления явления глобального интердискурса является и допущение лингвистической дополнительности в использовании метафоры в национальных политических дискурсах. Ср.: «...национальные особенности политической метафоры связаны преимущественно не с характером используемых метафорических моделей, а с их частотностью и прагматической нагруженностью, а также с различной фреймовой организацией этих моделей и их концептуальной организованностью» [Будаев 2009: 132].

Третьей задачей, стоящей перед автором монографии, стало сравнение метафорических образов некоторых стран, а именно России, Грузии и бывших советских социалистических прибалтийских республик. Этому посвящена четвертая глава. Материалом для сравнения образов послужил политический дискурс британских и российских СМИ. Сравнение образов опирается на качественный и количественный анализ, что говорит о вескости и сбалансированности исследования. Для сопоставительного анализа образов автор привлекает эвристики политической метафорологии. Фактически автор стремится измерить политические процессы в метафорологических единицах. Следует сказать, что читатель, знакомый с терминологическими и методологическими канонами когнитивной парадигмы научного поиска, сможет

поистине насладиться результатами практического исследования метафорических образов. Для непосвященных некоторые выводы могут показаться терминологически перегруженными — но таковы законы жанра. Существенно дополняют восприятие анализируемого явления диаграммы, отражающие частотность метафор с разными сферами-источниками в российском и британском политическом дискурсе.

Реализация предлагаемого подхода на практике позволила автору сформулировать важные для лингвистической интерпретации политического мироустройства положения, с которыми подробно можно познакомиться в четвертой главе монографии. Значимым для теории ПМ является выведенная автором зависимость таких характеристик дискурсивно неустойчивых метафорических моделей, как актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность и структурированность, от выбора сферы-мишени метафорической экспансии. При этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, влияют на характеристики метафорических моделей в гораздо большей степени, чем особенности национальных языков и национальных концептосфер.

Сопоставительный анализ показал, что все рассматриваемые метафорические модели характерны как для российского, так и для британского политического дискурса. Вполне ожидаема, но отнюдь не очевидна высокая дискурсивная устойчивость антропоморфной метафорической модели, сопровождающаяся невысоким уровнем частотной вариативности при смене сферы-мишени метафорической экспансии. Вместе с тем перспектива антропоморфного мировидения в большей степени характерна для российского, чем для британского сознания, о чем свидетельствует преобладание российских органистических метафор независимо от выбора сферы-мишени метафорической экспансии в качестве объекта анализа [Будаев 2009: 248—249].

При анализе метафорических моделей «Война», «Театр», «Спорт», «Болезнь», «Человеческий организм», «Мир животных» особенности в когнитивном и дискурсивном ракурсе выявляются только на уровне отдельных сегментов метафорической модели, а варьирование свойств метафорических моделей по критерию сферы-мишени не обнаруживает полярных характеристик. В то время как анализ метафорики родства и монархических метафор позволил выявить особенности, отражающие полярные различия, которые проявляются в двух ракурсах:

- а) особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию сферы-мишени метафорической экспансии;
- б) особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию национального дискурса.

Для британских СМИ крайне характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны, а прибалтийские республики — в понятиях родства. В российской прессе для осмысления политических событий в Грузии и странах Балтии в большей степени востребованы театральные метафоры.

Британское национальное сознание более склонно к осмыслению политики через спортивные метафоры независимо от сферы-мишени метафорической экспансии.

Британское и российское видение ситуации посредством морбиальных метафор во многом совпадает. При этом в российском дискурсе морбиальные метафоры для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии» оказались востребованными в большей степени. Авторский комментарий связывает эти данные с проблемой защиты прав русских меньшинств в этих республиках.

При общей востребованности зооморфной метафоры, значительно варьируется выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов, зависящий от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии.

Рассмотренные метафорические модели в разной степени варьируют характеристики функционирования в политическом дискурсе в зависимости от когнитивной укорененности сферы-источника в национальном сознании и политической ситуации. Степень дискурсивной устойчивости для рассматриваемых метафорических моделей различается по сфере-источнику. Характеристики антропоморфной и спортивной моделей слабо варьируются при смене сферы-мишени метафорической экспансии внутри одного национального дискурса, что свидетельствует о большей когнитивной укорененности антропоморфного мировидения политики для россиян и спортивных образов при осмыслении политики для британцев.

Моделирующий потенциал сферы-источника «Родство» регулярно используется в британ-

ском политическом дискурсе для осмысления действительности прибалтийских республик и не задействован для осмысления сфер-мишеней «Россия» и «Грузия».

Анализ российского политического дискурса свидетельствует о противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сфер-мишеней «Россия» и «Грузия», но не характерен для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии». Немногочисленные метафоры родства, актуализированные для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии», лишены прототипических смыслов сферы-источника или относятся к русскоговорящим меньшинствам прибалтийских республик.

Метафорические модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия» можно отнести к дискурсивно неустойчивым, проявляющим значительную вариативность в проявлении своих свойств в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии и востребованных политической ситуацией эмотивных смыслов [Будаев 2009: 248—250].

В заключение следует сказать, что полученные в рамках политической метафорологии данные и теоретические обобщения представляют несомненный интерес для изучения оценок и предпочтений национального сознания и самосознания и полностью соответствуют духу времени.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 305 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. — Екатеринбург, 2008.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: моногр. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Статью рекомендует к публикации доцент Е. А. Нахимова